

Тысячи изобретателей в странах СНГ и в Восточной Европе знают имя Генриха Альтшуллера- основоположника Теории Решения Изобретательских Задач. Многие тысячи любителей научной фантастики увлекались его легендами о звездных капитанах (Он писал под псевдонимом Г.Альтов),его рассказами о героике людей будущего. Но мало кто знает что-либо о самом Альтшуллере, о необычном человеке, о его жизни. Цель этих воспоминаний - заполнить этот пробел.

Леонид Фильковский

Жизнь Генриха Альтшуллера

“Современники недооценивают, потомки переоценивают”

Г.Альтшуллер.

Я познакомился с Альтшуллером в 1955 г. Он вернулся из ГУЛАГа год назад.

Раньше я видел его с самой красивой девушкой в Баку. Его умное лицо сохранилось в моей памяти. Это было 6 лет назад.

Нас познакомил мой институтский товарищ, который сидел с ним на Воркуте. Мы подружились и часто общались до 1979г., пока я не уехал из СССР. Из его рассказов и рассказов наших общих знакомых сложилась определенная картина его биографии.

Он родился в Баку в 1926 г. Его отец, журналист, приобщил его к литературе еще в детстве и Генрих был членом литературного кружка Дома Пионеров. Он проявлял особый интерес к научной фантастике и пробовал писать сам в этом направлении. В 1941, когда началась война, Альтшуллер поступил в военно-морскую спецшколу. После девятого класса их направили в военно-фельдшерское училище. Альтшуллер отказался туда идти и некоторое время провел в летном училище, а затем служил в противохимических войсках. Став сержантом, уже после войны, Альтшуллер получил возможность продолжать учебу. Закончил экстерном среднюю школу и поступил на заочное отделение Индустриального института. По свидетельству знакомых Альтшуллер не любил “пустые” молодежные вечеринки с выпивкой, танцами и пением. Он сам организовывал встречи, предоставляя каждому участнику выступить на какую-либо тему. На этих встречах также возникали политические споры. В таких случаях Альтшуллер выступал с резкой критикой существующего режима. Он выражал свои мысли открыто и бесстрашно. В последствии участников этих встреч КГБ привлекло, как свидетелей обвинения .

Три молодых интеллектуала служили ядром собирающихся групп. Это были сам Альтшуллер, Рафик Шапиро и третьего я назову Аббой (не хочется огорчать его родных тем, что станет понятным из дальнейшего).

Р.Шапиро тоже учился в Индустриальном институте и в заочном Юридическом институте. С Альтшуллером его связывали интересы научной фантастики и изобретательства. Они вместе выступали в печати в рубриках типа “Окно в будущее” и вместе начали изобретать. До их ареста они получили десяток авторских свидетельств. Вместе они участвовали в разных технических конкурсах и получали призы.

Абба был очень способный юноша. Он учился в Педагогическом институте и в заочном Юридическом институте. Он знал английский, французский и немецкий и готовился к кандидатской диссертации. Естественно его тянуло к таким одаренным людям, какими были Альтшуллер и Шапиро, а каждому из них было по 20 лет.

Получая отказы на первые заявки на изобретения Альтшуллер и Шапиро занялись знакомством с библиотекой авторских свидетельств. Они просмотрели тысячи изобретений и увидели что-то общее, присущее всем изобретениям. И у них возникла мысль об идеальном конечном результате - ИКР и они начали обдумывать подходы для успешного решения изобретательских задач.

Где-то после войны советское правительство согласилось отдать Америке трофейную патентную библиотеку Германии взамен на металлообрабатывающее, полиграфическое и какое-то еще оборудование. Альтшуллер резко осуждал это соглашение. Он говорил, что все это оборудование через 20 лет пойдет на свалку, а немецкие патенты только тогда начнут жить. Он написал Сталину письмо об этом, а еще разослал 19 копий этого письма в такие организации, как ЦК партии, ЦК комсомола, газета ‘Известия’ и т.п. Вместо ответа его арестовали и обвинили в антисоветской пропаганде. В КГБ припугнули некоторых ребят и они стали вспоминать “антисоветские высказывания” Альтшуллера. Последний все эти обвинения отменил, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма. Например, следователь обвинял Альтшуллера в том, что тот утверждал, что Маркс был более велик, чем Энгельс. На это Альтшуллер отвечал, что это утверждал сам Энгельс в речи на похоронах Маркса. А обвинение о создании “антисоветской организации” он отразил ссылкой на ленинское определение политической организации. Так как допросы проводились вечерами, то следователи в шутку называли их “вечерним институтом марксизма-ленинизма” Тогда они еще шутили, но поняли, что перед ними сильная интеллектуальная натура и решили подготовиться получше и Альтшуллера освободили.

Вскоре вызвали в КГБ Р.Шапиро. Уговорами и угрозами пытались сделать его доносчиком. Он категорически отказался. Его отпустили и вызвали Аббу. Ему заявили, что он никогда не станет кандидатом наук и вообще из КГБ не выйдет без согласия на доносы на Альтшуллера и Шапиро. Ему показывали окна внутренней тюрьмы КГБ, покрытые щитами от солнца, где он будет находиться в камере-одиночке. После нескольких “сеансов” Абба сдался. Его освободили и теперь все встречи, анекдоты и разговоры он аккуратно с комментариями посылал в КГБ. Так продолжалось 2 года. Когда собралось несколько томов таких доносов Альтшуллера и Шапиро арестовали. Это было в 1950 году.

Первая статья обвинения была за продажу государственных секретов за границу. До того они изобрели способ использования самолетных шин для хранения кислорода

для дыхания пилотов. Это изобретение засекретили. Они были очень горды и ждали солидного вознаграждения. Не дождавшись они написали запрос о судьбе их изобретения. В этом запросе они изложили статью Изобретательского Права о том, что авторы могут получить разрешение на продажу своего изобретения за границу. Следователи, опираясь на доносы Аббы, сделали вывод, что они уже связались с иностранной разведкой и продали это изобретение.

Вторая статья обвиняла их в попытке перехода границы под водой Каспийского моря. У них было изобретение на способ получения кислорода из морской воды. Кроме того, они получили первую и вторую премии в конкурсе на создание защитного костюма при тушении пожаров в шахтах (деньги поступили уже на их тюремные счета). Видимо, следователи так же обладали способностью изобретать. Они объединили эти два изобретения, получение кислорода и защитный костюм, и получили костюм для перехода границы под водой. То, что кислорода при этом хватит на 15 минут, никакого значения не имело.

Третья статья была за антисоветскую пропаганду. Сюда вошли все разговоры, записанные Аббой, и из которых следовало, что и Альтшуллер и Шапиро “крайне опасные антисоветчики”.

Четвертая статья обвиняла их в создании антисоветской организации. Три человека, включая доносчика, чем не коллектив, не организация. Ведь вначале все организации состоят из нескольких человек, а потом они разрастаются и разрушают государство.

Пятая статья, незаконное хранение оружия. Здесь Альтшуллер признал себя виновным. Во время краткого пребывания в летном училище у него был друг, фронтовик, который подарил ему трофейный пистолет (без патронов). Этот друг погиб в учебном полете. После войны был приказ - всем сдать оружие. Альтшуллер не выполнил этот приказ и оставил пистолет себе на память о близком человеке.

Вот такую лавину обвинений обрушили на молодых людей, которые еще вчера, при всем их богатом воображении, не могли представить такой абсурд, такую нелепость. Вообще они были лояльными гражданами и, если бы случилась вновь война, они безоговорочно пошли бы защищать свою родину. Да ведь и изобретали они для этой своей родины. И вдруг – на тебе! Враги Родины!

На этот раз в КГБ разработали безошибочный сценарий. В качестве свидетелей прошли все знакомые по встречам, и каждый был проработан в нужном направлении. Были допрошены родители тех молодых людей, в доме которых проходили эти встречи. Даже сестру Альтшуллера угрозами принудили стать свидетелем обвинения. Отца Альтшуллера уже не было в живых. Он умер до всей этой трагедии. Самой красивой девушке была отведена роль второго, после Аббы, свидетеля обвинения. КГБ командировала ее в Тбилиси. Так как Альтшуллер был человек военный, то “дело” вела прокуратура Закавказского военного округа, находившаяся в этом городе. В купе вагона с этой девушкой оказалась женщина средних лет, которая сказала, что она видела из окна вагона провожавших заплаканных родителей девушки и ее материнское сердце сжимается при таком горестно-печальном виде всех этих людей. Видимо случилось какое-то тяжкое горе. И тут молодая не

выдержала и в слезах поведала этой женщине свою историю. Всю дорогу тетя Паша (так она представилась) успокаивала и утешала девушку и давала советы, как себя вести и что надо говорить, а чего не надо. (Через пару лет эта девушка встретила у здания КГБ в Баку тетюПашу в форме майора и окликнула ее. Та поспешила войти в здание).

Следствие велось изощренными методами, которые описаны в обширной “лагерной” литературе. Оба отказывались подписать обвинения, хотя они не разу не виделись. Их перевели в Москву и они прошли через Лубянку, Бутырку и Лефортово. Менялись следователи, менялись методы. Был следователь полковник Чернов, который описан в книге “Приключения американца в России” Мориса. Этот угрожал и говорил, что у него все подписывают. Он получил орден Ленина за “ленинградское дело” и показывал тома готового “дела” на И.Эренбурга. Они ждут только разрешения Сталина. А такую “мелкую сошку”, как Альтшуллер он заставит подписаться. Ночные допросы выпавшихся следователей изматывали до потери сознания. Шум авиационных моторов по ночам под окнами камер-одиночек довершали издевательства. Днем спать не давали надзиратели.

Другой следователь просто объяснял, что взгляды Альтшуллера не устраивают власти и человек с такими взглядами может быть опасен в случае войны. Он будет сидеть в камере-одиночке до тех пор пока не подпишет обвинение, как тот японский принц, который сидит у них уже много лет. А подпишет отправят в лагерь. Там люди, работа. Там жизнь. Этот следователь часто вызывал Альтшуллера на допрос во время футбольных матчей и они вдвоем слушали репортаж Синявского вместо допроса. Иногда следователь угощал Альтшуллера чем-нибудь домашним и они беседовали на отвлеченные темы. Альтшуллер был человек принципиальный, но он был убежден, что скоро Сталин умрет и с его смертью все это измениться. Он решил дождаться его смерти в лагере и согласился закончить “дело”. Следователь предоставил писать обвинение самому Альтшуллеру, который делал это с учетом будущих изменений. Следователь обещал “устроить” не более 15 лет и только подправлял написанное. Так после нескольких месяцев ужасной жизни в одиночке Альтшуллер “сознался” в совершенных преступлениях.

Альтшуллера перевели в камеру на двоих. Вторым оказался такой же “бедолага”, как и он, и они смогли, наконец, говорить после многих месяцев молчания. Через несколько дней Альтшуллера привели в какую-то комнату. За столом сидел майор. Он спросил фамилию, покопался в портфеле, нашел нужную бумагу и дал ее Альтшуллеру, который прочел, что “Особое совещание” дало ему 25 лет. Майор вызвал следующего, а Альтшуллера повели в комнату ожидания. Где же суд, прокурор, защитник? Ведь следователь обещал 15 лет. Надзиратель принес его вещи и там он увидел банку варенья. Это был подарок сокамерника. Альтшуллер был тронут до слез. Ведь они больше никогда не увидятся. Чем объяснить такой поступок случайного знакомого? Столько месяцев люди предавали, клеветали, лгали и вели себя бесчеловечно, зверски и безучастно. И только в конце этого “судилища” проявилось теплое участие одного человека. Эта челавечность дала Альтшуллеру веру в людей. Он шел в общую камеру с мыслью ободрить убитых горем заключенных. Эта была та самая камера с полковником румынской разведки в качестве старосты, которая впоследствии была описана Солженицыным в “Архипелаге ГУЛАГ”. Вместо печальных он увидел спокойных, нормально

разговаривающих людей. Староста познакомился с ним и стал представлять его другим заключенным. С ними он побыл некоторое время и получил представление о жизни эков и ряд советов, наставлений и пожеланий.

В это же время в Баку произошла страшная трагедия. Его мать, которая так гордилась своим талантливым сыном, получила сообщение о том, что ее Генриху дали 25 лет без права переписки. Она не могла это перенести и бросилась со второго этажа. Альтшуллер об этом узнал позднее.

Жизнь Альтшуллера в лагере на Воркуте началась с вызова к оперуполномоченному. Тот пытался завербовать Альтшуллера в доносчики. Ведь последний, "как настоящий советский человек", должен помогать властям лагеря, что будет учтено в его дальнейшем пребывании в лагере. Альтшуллер отказался в резких выражениях, за что был посажен в карцер. После этого его послали в угольную шахту. Через некоторое время он отказался работать там. Его вновь посадили в карцер. Он хотел работать в соответствии со своим образованием. Ведь его забрали с четвертого курса института. Но его по-прежнему посылали на общие работы. Он по-прежнему отказывался и много раз попадал в карцер. Так продолжалось до тех пор, пока ему не поручили "изобрести" вращающуюся сцену для лагерной самодеятельности. Он попал в производственный отдел шахтоуправления. Затем ему поручили помочь новому библиотекарю, которым стал еврейский поэт Тейф, посаженный за еврейский "национализм". Альтшуллер обучал Тейфа основам горного дела и, хотя библиотека была скудная и имела только книги по горному делу, он чувствовал себя уже на своем месте. Да и Тейф вызвал удовлетворение.

- Теперь я вижу, что еврейский народ не обречен на вымирание. Если старик Тейф, имея срок 15 лет, так рьяно штудирует "Горное дело", то за евреев можно не беспокоиться. - говорил Альтшуллер Тейфу.

Одно время Альтшуллер занялся высшей математикой. Он считал, что когда-нибудь он сможет закончить институт. Вначале все шло хорошо, но дойдя до интегрального исчисления он бросил заниматься. Условия жизни в лагере не способствовали занятиям по математике.

Он вспоминал, как один из заключенных, бывший начальник шахты, при слове интеграл менялся в лице. Тот рассказал Альтшуллеру, что ему направили молодого инженера, который применил интегралы для расчета шахтного свода. Свод рухнул, а им дали по 15 лет за диверсию. После этого он ничего не хочет слышать об интегралах. К сожалению, Альтшуллер не попал в ш а р а ш к у, где собирали специалистов-профессоров, доцентов, инженеров, для работ над какими-либо проектами. Такое окружение помогло бы Альтшуллеру получить полное инженерное образование и, выйдя на свободу, ему было бы легко получить инженерный диплом, как это сделал Шапиро.

Тогда Альтшуллер видел свое будущее в литературе, в научной фантастике.

Был в лагере один еврей, знающий иврит. Альтшуллер заинтересовался ивритом и взял несколько уроков. Он вспоминал, что иврит шел легко, потому что, как он

говорил, это простой язык, как все древние языки. Но, поскольку он не видел в нем нужды, то занятия были прекращены.

Работа во всяком производственном отделе шахты, стройки или завода далеко не творческая. Она связана с подсчетами объемов выполненных работ и с подготовкой к предстоящим работам. Труд в Воркутинском лагере мало чем отличался от труда рабов в Древнем Египте. Механизированы были только подъемник для угля и людей, а также буро-взрывные инструменты. Добытый уголь перевозили в тачках или в вагонетках вручную и перегружали в вагонетки побольше, в которые были запряжены лошади, в основном “старые клячи”. Да и тех не хватало.

Одно время в промежутке между карцерами Альтшуллер работал в похоронной команде. Кладбище находилось в паре километрах от лагеря. Так как не хватало лошадей, то эта команда - несколько тощих зэков - толкали вагонетку с мертвыми по общей железной дороге. Если случалось, что появлялся поезд (в лагерь вела всего лишь одна колея), то приходилось сбрасывать вагонетку вместе с покойниками вбок, а после поезда ставить тяжелую вагонетку на рельсы и вновь укладывать в нее мертвых. А умирало очень много. От плохого питания, от тяжелой работы, от плохой медицины. Альтшуллер вспоминал, что от цинги он применял сырой картофель, что описано у Джека Лондона. С Альтшуллером работал старый меньшевик Абрамович, который оставался один из этапа 1937 года в 2000 человек. Из более поздних этапов в несколько тысяч оставалось по 5-10 человек. Воркутинский лагерь был построен на костях, на настоящих человеческих костях. Весной, когда таял снег, насыпь железной дороги выставляла напоказ слои человеческих костей. Однажды поставили несколько зэков рыть траншею от одного барака до другого. На глубине около полметра наткнулись на человеческие кости. Возмущенные люди отказались копать. Их всех посадили в карцер. Но, чтобы этого не увидели все остальные зэки, которые поднимутся из шахты после смены, собрали всех надзирателей и быстро засыпали эту траншею.

В условиях широкого применения ручного труда у Альтшуллера не было возможности проявить свои изобретательские способности. Он бывал на технических совещаниях, на которых как правило обсуждались сиюминутные проблемы, связанные с дефицитом материалов и инструментов. Альтшуллер вспоминал, что Главный инженер, старый зэк, открывал совещание словами: “Первое предложение обсуждать не будем, сразу переходим ко второму”. Старый меньшевик Абрамович пояснил Альтшуллеру, что под первым предложением понимается ликвидация Советской Власти. Вторые и последующие предложения сводились к хозяйственным вопросам. Ни новая техника, ни механизация и автоматизация, ни тем более изобретательство на таких совещаниях никогда не рассматривались. Можно считать, что 5 лет жизни было украдено у Альтшуллера. И это были молодые годы, когда творческие люди дают самые “высокие урожаи”.

Сказанное относится и к научной фантастике. Жил Альтшуллер в общем бараке, где размещалось больше сотни человек. Спали на двухъярусных койках. Люди были разные, как интеллигентные, так и неграмотные. В большинстве своем “двадцатипятилетники”. В одной бригаде с Альтшуллером мог быть немецкий зубной врач, бывший начальником концлагеря, и простой крестьянин из Баварии, бывший эсэсовец, очень дисциплинированный, всегда готовый выполнять любой приказ.

Такие не задумываясь расстреливали людей. В той же бригаде мог оказаться и бывший секретарь обкома и полицаи оккупированного городка. Когда в барак приходили после работы все зэки, то стоял сильный шум. Кто-то стучал костяшками домино; кто-то ругался; кто-то пел песни; кто-то дрался. Обстановка была явно не творческая. Прошло немало времени прежде, чем Альтшуллер сумел приучить себя размышлять и заниматься в таком “бедламе”.

У него зародилось несколько научно-фантастических сюжетов. Для того чтобы из них сделать произведения требовалась разная литература, книги, журналы, справочники. Это можно было заказать и получить через оперуполномоченного. Но, Альтшуллер был не тот человек, который может просить ненавистного ему человека. Поэтому все сюжеты были заморожены до счастливых времен. Кроме того, чтобы писать надо получить разрешение у того же оперуполномоченного.

Наконец умер Сталин. Заключенные всех лагерей ГУЛАГа ликовали втихую и передавали друг другу: “Йоська дубаря дал!”. Некоторые надзиратели плакали и при них было опасно радоваться открыто. Была объявлена амнистия пятилетникам. На весь лагерь в Воркуте с таким сроком оказался только один. Это был мой институтский товарищ В. Антонов, который и познакомил меня с Альтшуллером впоследствии. Зэки ждали дальнейших потеплений. Освободили врачей проходивших по лживо-идиотскому “делу врачей”. Арестовали Берия и еще больше выросли надежды у зэков и их родных на воле.

В это время отец Р. Шапиро написал просьбу Ворошилову, председателю Президиума Верховного Совета СССР, о помиловании его сына и была дана команда - пересмотреть дело. В 1954 году Альтшуллера и Шапиро привезли в Тбилиси, где начинали допросы 5 лет назад. Когда Альтшуллера вели в камеру, то в коридоре ему встретился полковник Чернов, тот самый который силой пытался вырвать у Альтшуллера признания. Последний тут же объявил голодовку и заявил, что пока Чернова не арестуют он никаких показаний давать не будет. Это была неслыханная дерзость. Но, видимо, на этого Чернова прибыло много жалоб, а может быть в связи с пересмотром знаменитого “ленинградского дела” и других дел, Черного действительно арестовали. Хмурый начальник тюрьмы показал документ об этом и Альтшуллер прекратил голодовку. В книге “Приключения американца в России” говорится, что Чернов получил 15 лет заключения и отсидел весь этот срок

И началась процедура пересмотра. В просторной комнате за длинным столом сидели члены комиссии. По краям за отдельными столами сидели напротив друг друга Альтшуллер и Абба. Он был единственный из свидетелей. Последний знаками показал Альтшуллеру, что ему заменяют 25 лет на 5. Альтшуллер показал Аббе фигу и дал понять, что он будет добиваться освобождения.

Прочли первую статью обвинения - продажа государственных секретов за границу. Свидетель по памяти повторил старые показания. И, о чудо! Комиссия не нашла в них никаких доказательств преступления. Чувствовалось что в режиме что-то изменяется. Наступало время, которое И. Эренбург назвал оттепелью.

Прочли вторую статью - попытка перехода государственной границы. Здесь комиссия сама установила, что с помощью предполагаемого устройства переход границы под водой технически невозможен.

По третьей статье - антисоветская пропаганда, свидетель не мог вспомнить огромное количество своих записей, сделанных более пяти лет назад. На вопрос, в чем заключалась эта пропаганда, свидетель отвечал, что Альтшуллер рассказывал антисоветские анекдоты. Он указывал место и положение людей и вещей, когда Альтшуллер рассказывал их, но ни один анекдот вспомнить не мог. Комиссия уже склонялась к тому, что невозможно квалифицировать эти анекдоты, как антисоветские, так как свидетель забыл их содержание. И тут Альтшуллер заявил, что он вспомнил один из них. На лицах членов комиссии выразилась досада. Председатель сказал, что нет необходимости вспоминать его. Но Альтшуллер настоял на своем праве обвиняемого и ему разрешили рассказать его. Вот этот анекдот:

-К Эйзенхауэру подошел Берия и спросил: "Как американцы охотятся на тигров?". Тот ответил: "Посылаем на джунгли тысячу летающих крепостей. Они бомбят. Затем посылаем туда тысячу грузовиков и они привозят тысячу убитых тигров". Берия заметил: "Это очень дорого. Мы делаем прощ. Ловим тысячу зайцев и они все сознаются, что они тигры."

На какое-то мгновение наступило неловкое молчание, а затем взрыв смеха отбросил неловкость. Председатель комиссии, подавляя улыбку, объявил, что эта статья обвинения отменяется.

Четвертая статья - создание антисоветской организации - была снята, так как ни один довод свидетеля, над которыми он трудился тогда с большим усердием, не подходил под эту статью.

Оставалась статья о незаконном хранении оружия. Были приняты во внимание доводы Альтшуллера, что пистолет не имел патронов, и поэтому не представлял никакой опасности, что этот пистолет являлся памятным подарком погибшего фронтовика и что уже прошло 5 лет - максимальный срок наказания за такое преступление. Комиссия сняла также и это обвинение.

Таким образом, все пять статей обвинения были сняты и Альтшуллер был освобожден из-за отсутствия улик. Не реабилитирован, как пишут о нем теперь, а именно освобожден, как незаслуженно арестованный. Таким же образом был освобожден и Р.Шапиро. Оба они подписали бумагу о том, что не будут преследовать бедного свидетеля Аббу, который против своей воли стал доносчиком. Получив необходимые документы они одновременно покинули тюрьму и здесь, напротив дверей тюрьмы встретились. Они не виделись пять лет.

Вернувшись в Баку Альтшуллеру предложили стать мастером на канатном заводе. Это КГБ постаралось его трудоустроить. Из родных оставалась замужняя сестра, от которой он отказался за ее обвинительные показания. В квартире после смерти матери поселились чужие люди. Средств на жизнь не было. И он пошел на канатный завод. Зарплата была небольшая и половина ее уходила на съем комнаты или угла

для ночлега. Альтшуллер потребовал свою квартиру через суд. Решение суда было “соломоново”: “Квартиру передать Альтшуллеру, для чего Бакгорисполком должен выделить проживающим в ней жильцам другую квартиру”. С этим решением Альтшуллер обратился в Бакгорисполком. После изрядной волокиты он понял, что свою квартиру он получит нескоро, а точнее, через 105 лет. Такую цифру дало сравнение числа строящихся квартир в год с числом нуждающихся. И Альтшуллер “махнул рукой”.

Работа мастера цеха далеко не инженерная. Это скорее хозяйственная работа. Надо быть гибким, уметь идти на компромисс, уживаться с людьми, как с рабочими, так и с начальством. Все это Альтшуллер ненавидел. Кроме того, работа мастера не оставляла времени для творческих занятий научной фантастикой и изобретательством .

Альтшуллер ушел с завода. Но, на какие “шиши” жить? Альтшуллер писал статьи в газеты, стал штатным корреспондентом газеты “Бакинский рабочий” и даже пришлось для одного почвоведов писать кандидатскую диссертацию. Этот почвовед кончал азербайджанскую школу и недостаточно знал русский язык. Он проделал опыты с грунтами одного района, но не мог изложить свои результаты. Альтшуллер прочел несколько диссертаций по почвоведению, изучил результаты опытов этого почвоведов и написал такую прекрасную диссертацию, что после успешной защиты многие подозревали, что диссертация написана по меньшей мере профессором почвоведения. К Альтшуллеру стали обращаться другие и он мог иметь большие деньги, но он отказался от такой деятельности. Один раз он мог сделать этот шаг из-за “куска хлеба”. Он должен заниматься научной фантастикой и изобретательством. В разные журналы пошли его первые рассказы. Вместе с писателем Фелициным он написал книгу “Тайна тройного удара”. Он продолжил ознакомление с описаниями изобретений по “Бюллетеню изобретений”, начатое еще в 1946.

Альтшуллер считал более интересным работать над способом изобретать, над путем решения изобретательских задач, чем над самими конкретными изобретениями. Вместе с Шапиро он написал первую статью на эту тему, которую опубликовал журнал “Вопросы психологии” в 1956 году.

Альтшуллер жил холостяком, не общаясь со старыми знакомыми, которые в той или иной степени помогали засадить его. Более мягкий Шапиро навел на Аббу и выслушал поток оправданий. Альтшуллер даже слышать не хотел его имени. Самая красивая девушка, которая, выйдя замуж, уехала в другой город, узнав об освобождении Альтшуллера, разошлась и вернулась в Баку. Он же не мог простить предательства и отверг ее.

Среди новых знакомых находились девушки, которых интересовал Альтшуллер. Одна из них готова была выйти за него замуж и он был не против, но честно рассказал ей свою историю. Ее отец, подполковник КГБ, сказал, что только через его труп она выйдет замуж за Альтшуллера. Последний больше не пытался жениться ни на ком. Так продолжалось до 1957 года.

Однажды летом я пригласил Альтшуллера и Антонова к себе. Хотя моя жена с ребенком были в отъезде, Альтшуллеру понравился порядок и убранство нашей

небольшой однокомнатной квартиры. После того, как мы по очереди искупались в душевой, смыв с себя зной жаркого бакинского дня, и настроение Альтшуллера стало приподнятым, он сказал: “Теперь я вижу, как хорошо быть семейным человеком. Вот сейчас выйдем и я сделаю предложение первой же девушке”. Через полчаса мы познакомились с двумя девушками. Одна из них понравилась Генриху и он рассказал ей о своем обете. Это была Валентина Журавлева. Понадобилось несколько дней, чтобы Валентина и ее родители смогли переварить необычные эпизоды биографии Альтшуллера и дать согласие на брак.

Замминистра строительства Азербайджана Я.Измайлов хотел внедрять достижения науки и техники и создал бюро технической помощи. Он пригласил в него Альтшуллера вести изобретательство и рационализацию и выпускать журнал “Бюллетень строительства”. Предложение было на таких условиях - бывать на работе всего лишь 3 дня в неделю при полном окладе. Испытывая финансовые затруднения Альтшуллер согласился. В это время он писал большое количество научно-фантастических рассказов и статей по вопросам изобретательства. Те 3 дня, что он работал в бюро техпомощи, были очень насыщены работой. Он поражал нас своей работоспособностью, организованностью и высоким КПД. Как-то министр поручил ему составить годовой отчет по министерству. Срок - 15 дней и все отделы министерства в помощь. Альтшуллер сказал: “Дайте машинистку и я сделаю этот отчет за 3 дня”. Через 3 дня он дал готовый отчет пораженному министру. Все мы сотрудники удивлялись этому.

Мою первую статью он отредактировал настолько хорошо, что она стала для меня образцом того, как надо писать научные статьи. Мой школьный товарищ занимался ледниками Кавказа и газета Махач-Калы помещала его небольшие статьи на эту тему. Однажды он написал рассказ и хотел послать его в журнал “Знание-сила”. Он попросил меня показать рассказ Альтшуллеру. На следующий день рассказ был отредактирован красным карандашом. Этого красного было так много, что автор отказался от писательства.

Вместе с тем Альтшуллер не выносил бюрократизм и ненужную писанину. Министр и его замы направляли ему массу писем для написания ответов. Альтшуллер придумал “трехгвоздевую систему”, как он ее назвал. Сбоку стола он вбил три гвоздя. Все входящие бумаги он вешал на первый гвоздь и не трогал их. Те бумаги, про которые спрашивали, он перевешивал на второй гвоздь и только. На третий гвоздь попадали лишь те бумаги, о судьбе которых спрашивали еще раз. И он работал только с бумагами, попавшими на третий гвоздь. В результате порядка 40% всех бумаг оставалось на первом гвозде и около 30% оставалось на втором. Мы перенимали его стиль работы. К тому времени Альтшуллер уже завершил создание своей методики решения изобретательских задач и мы стремились применять ее в нашей обыденной жизни и даже в быту. ИКР стало нарицательным выражением, которое мы применяли даже в шутках. Уже были опубликованы его статьи в журналах “Советское государство и право”, “Изобретатель и рационализатор”, “Знание-сила”. Но еще большего успеха он достиг в научной фантастике. В этом деле его единственным помощником стала его жена Валентина Журавлева.

После женитьбы Альтшуллер предложил Журавлевой поменять профессию врача на литератора. Она только закончила медицинский институт и еще не начала работать.

Альтшуллер составил программу занятий по литературе и с его помощью и под его руководством Журавлева быстро овладела основами литературы. Вскоре они вместе стали писать рассказы. Чтобы не давать антисемитам никакого повода, рассказы шли под одной фамилией Журавлевой. Одновременно выходили рассказы Альтшуллера под псевдонимом Альтов. Но все же в писательских кругах появились разные подозрения вплоть до того, что Журавлева вообще не существует. Для проверки этой “гипотезы” Союз Писателей командировал в Баку писателя Овчиникова.

- “Так Валентина Журавлева действительно существует!”- воскликнул Овчиников , когда она открыла дверь. В завязавшейся беседе Журавлева уже могла проявить себя, как полноценный специалист. Двери издательств широко раскрылись.

Вместе с тем Альтшуллер уже тяготился работой у нас. У него появились договора с разными журналами на рассказы по научной фантастике. Времени стало не хватать и он объявил об уходе. Замминистра предложил ему работать всего лишь один день в неделю при полном окладе, но он отказался. Мы сожалели об его уходе. С ним было интересно. Да не только нам. Его научно-фантастические рассказы отличались своеобразным подходом, что привлекало передовую молодежь. Его легенды о звездных капитанах принесли сотни писем от восторженных поклонников. Его семинары по изобретательству, как правило, сопровождались обсуждением проблем научной фантастики и литературы вообще. Его взгляды расходились с официальной идеологией, с “соцреализмом”. На вопрос “почему он не напишет книгу о настоящем?”, он отвечал: “Я уже имел один раз 25 лет, больше не хочу. Поэтому я пишу о будущем, что не дает основание для какого-либо обвинения.”

И все-же бывали случаи таких обвинений. Так, “Воениздат” долго не печатал один его рассказ. Когда Альтшуллер, будучи в Москве, зашел в редакцию, то генерал - главный редактор - объяснил свою позицию так: “Ваш рассказ о трагедии американского летчика при испытании военного самолета в будущем интересен. Но ведь он может вызвать нежелательные мысли у наших летчиков при испытании самолетов в настоящем”. Все-же рассказ напечатали.

Был один год, когда больше всех писателей напечатали Альтшуллера. Ему стали платить по самой высокой ставке, как Шолохову, Паустовскому и др.

Как-то его вызвали в военкомат. “Вы поедете на военные сборы. Вот эту бумагу отнесете на работу, чтобы они вам оплатили месяц пребывания в армии.” - сказали в военкомате.

“Но я нигде не работаю” -ответил Альтшуллер.

“Как так, в Советском Союзе кто не работает тот не ест” - удивились офицеры.

“Я – писатель” -сказал Альтшуллер.

“Принесите справку из Союза Писателей.”

“Вот моя справка” - показал Альтшуллер на чемодан, который положил на стол. “Я не член Союза Писателей.”

Военкоматчики стали рассматривать содержимое чемодана. Это были опубликованные книги, рассказы и статьи Альтшуллера. После беглого просмотра решили его освободить от военных сборов и только спросили:

“А почему Вы не член Союза Писателей? Ведь туда принимают за несколько рассказов, а у Вас их целый чемодан.”

“Не приглашают” – ответил Альтшуллер.

В Союз Писателей принимали по месту жительства. Для этого надо было обратиться с просьбой, чего Альтшуллер сделать не мог. Его уже приглашали на заседания Союза Писателей в Москву, где он выступал с докладами по научной фантастике, не являясь членом этого союза. Видные писатели страны советовали бакинским коллегам принять Альтшуллера и Журавлеву в их союз. Наконец, в Баку предложили им вступить в него. Зная строптивый характер Альтшуллера дома решили, что первой на приемном заседании выступит Журавлева. Так и сделали. Она вначале рассказала о себе, а затем ответила на вопросы. Настроение у местных писателей было доброжелательное и ее приняли в союз без каких-либо эксцессов. Затем вышел Альтшуллер. Рассказ о себе прошел гладко, а при ответах на вопросы вспыхнула дискуссия. Ему стали задавать вопросы типа: как он отражает роль партии и комсомола в своих рассказах, почему он не показывает развитие колхозного движения в будущем. Вначале Альтшуллер отвечал сдержанно, но затем разозлился и превратил свои ответы в резкую критику взглядов местных писателей. Выступил “классик армянской литературы” и обвинил Альтшуллера в игнорировании указаний партии.

Альтшуллер сказал: “Назовите хоть одно научно-фантастическое произведение, которое Вы прочли.”

Вместо ответа “классик” тяжело задышал и выбежал на балкон, держась за сердце. Затем выступил “патриарх” азербайджанской литературы с теми же обвинениями. Альтшуллер обратился к нему до того, как тот кончил говорить. “Патриарх” поднял глаза и сказал: “Меня перебили?!”

В зале поднялся шум. Писатели зашикали, загалдели, стали что-то выкрикивать. Альтшуллер направился к выходу и, подходя к двери, услышал, как председатель предложил не принимать его в союз. Все, как один, подняли руки. Говорили, что это был единственный случай за все годы существования этого союза .

Но Альтшуллер нисколько не унывал .Теперь он получал такие гонорары от фантастики, что мог распространять теорию изобретательства по всему Советскому Союзу самым непосредственным образом. Он начал массовое обучение изобретательскому мастерству. Первый опыт был поставлен на заводе “Красный металлист” в Ставрополе. Затем он проводил семинары на предприятиях Москвы, Баку, Тамбова, Новосибирска и в других городах. В 1959 году его поддержала газета “Комсомольская правда”. Она рассказала о практических результатах методики

Альтшуллера. Затем журнал “Изобретатель и рационализатор” изложил основные принципы теории изобретательства, разработанные Альтшуллером, и провел дискуссию об этом. Вышла из печати его книга “Как научиться изобретать”. Альтшуллер организовал опросы изобретателей с помощью анкет. Его интересовали результаты его труда и после проведения анализа ответов он провел второй опрос охватив изобретателей из 180 городов. Затем вышла его книга “Основы изобретательства”. Его семинары, статьи и книги помогли сделать более двух тысяч изобретений.

В начальный период все поездки в другие города на семинары и на совещания по вопросам изобретательства Альтшуллер делал, в основном, за свой счет - на гонорары от научной фантастики. Предприятия могли оплачивать ему по самым низким ставкам, так-как он не имел никаких ученых степеней. На основании его работ уже делались кандидатские диссертации, к нему обращались аспиранты, как свои, так и из стран Восточной Европы, а он по-прежнему проходил как просто Альтшуллер. (Хотя немцы в письмах величали его как Herr Professor.)

И вот Саратовский педагогический институт предложил Альтшуллеру защищать кандидатскую диссертацию. Он поблагодарил и отметил, что у него нет диплома о высшем образовании, без которого не возможно стать кандидатом наук.

Академик Мирзаджанзаде предложил Альтшуллеру помочь закончить четвертый и пятый курсы института, получить диплом инженера, защитить кандидатскую диссертацию, после чего преподавать Теорию Решения Изобретательских Задач на курсах повышения квалификации для инженеров. В дальнейшем, возможно, создание кафедры изобретательства в Азербайджанском институте Нефти и Химии под началом Альтшуллера. Он поблагодарил и сказал, что он не может тратить время на получение зачетов, сдачи экзаменов, выполнение курсовых и дипломного проектов и написание диссертации только для того, чтобы получить формальные документы для постоянной более высокой зарплаты. Ему хватает то, что дает научная фантастика. Лучше он потратит время на дальнейшую разработку теории изобретательства и на обучение людей методам этой теории. Мы, его друзья, обещали ему помощь и уговаривали согласиться. Но Альтшуллер был непреклонен, а о помощи даже слышать не хотел.

К тому времени Альтшуллер уже проанализировал 5000 описаний изобретений и на их основе создал типовые приемы решения целого ряда изобретательских задач. Он пришел к твердому убеждению, что изобретать можно научить даже учеников старших классов. С этой целью Альтшуллер начал вести занятия в общественной школе изобретательства в Баку и в “Доме юных техников” в Москве. В газете “Пионерская правда” он стал вести рубрику “И тут появился изобретатель”, в которой предлагались различные изобретательские задачи. Тысячи ответов с решениями этих задач “Пионерская правда” мешками пересылала Альтшуллеру. Несмотря на чрезвычайную занятость, он скрупулезно анализировал все эти ответы, классифицировал их и систематически посылал отчеты в газету.

Альтшуллера очень интересовала психология изобретательского поиска, например, у старших школьников и он придумывал различные технические задачи для них. Ребятам из “Дома юных техников” в Москве он, например, давал задание установить

судьбу фантастических идей Жюль Верна или Беляева. Какие из этих идей сбылись, а какие – неосуществимы?

Будучи человеком честным он терпеть не мог плагиат или халтуру в произведениях научной фантастики. Если он обнаруживал у какого-либо писателя чужую идею, то открыто выступал с критикой. Редакторы издательств оправдывались тем, что они не могут знать всех ранее опубликованных идей. И Альтшуллер начал работу по регистрации и классификации этих идей. Эта огромная работа требовала чтения всех произведений с самого зарождения научной фантастики. Результаты он печатал на машинке в виде сборников, которые назвал “Регистрами научно-фантастических идей”. Два – три экземпляра “Регистра” он посылал знакомым. Кто-то перепечатывал их на ротопринте (старики помнят как трудно было в те годы что-либо размножить без ведома цензуры) и рассылал своим знакомым. Потом мы узнали, что эти “Регистры” продаются “из под полы” по 25 рублей. Теперь как писатели, так и редакторы могли знать об уже опубликованных идеях. Работа по составлению регистров проводилась 5 или 6 лет. В результате анализа нескольких тысяч произведений Альтшуллер создал патентный фонд фантастики и разработал принципы генерирования новых идей.

Для борьбы с халтурой Альтшуллер учредил приз за худшее произведение года. Он покупал пластикового крокодила, устанавливал его на деревянный круг и накрывал все это прозрачной полусферой. Затем посылкой отправлял в московский “Дом юных техников”, ребята которого присуждали этот приз и со своим решением направляли “лауреату”. Как рассказывал Альтшуллер, мнения ребят совпадали с его мнением, за исключением одного случая, когда такой приз был присужден начинающему автору. Альтшуллер считал, что этот автор имел хорошую перспективу.

Критика Альтшуллера давала плоды - одни авторы улучшали свои произведения, а другие - бросали эту деятельность. Так писатель-фантаст Парин после открытой критики Альтшуллера перестал вообще писать научно-фантастические романы и перешел на географические повести о путешествиях.

Однажды Альтшуллеру прислали открытку с приглашением в одну из бакинских гостиц. Его высокомерно встретил представитель киностудии им.Довженко. Он без предисловий положил на стол бумагу и сказал:

“Мы решили экранизировать одну из ваших легенд о звездных капитанах. Сценарий уже готов. Вы подпишите вот здесь о согласии. Плату получите после утверждения.”

Альтшуллер не мог переносить любое хамство. Видимо, этот представитель считал, что какой-то еврейчик по фамилии Альтшуллер будет осчастливлен таким предложением.

“Киностудия Довженко после войны не выпустила ни одного хорошего фильма.” - сказал Альтшуллер. “Исключение составляет фильм “За двумя зайцами”. И тот сделан по старому классическому сценарию. Я не хочу чтобы мое произведение было испорчено. Я не доверяю вашим сценаристам и ничего не собираюсь подписывать.”

Представитель застыл от удивления. Он не ожидал такого ответа и стал давать «задний ход».

«Мы пришлем Вам сценарий для согласования. Мы еще ...»

«Ничего мне не присылайте. Я вообще не желаю иметь с вами дело» - прервал его Альтшуллер и вышел. Его возмутила беззастенчивость и пренебрежение достоинством человека.

Альтшуллер не страдал излишней скромностью. Он считал, что он делает очень важное дело для страны. То, что государственные организации не обращают внимания на его труды он объяснял косностью руководителей. Мы знали и другую причину. Одна из почитателей Альтшуллера пыталась убедить руководителя советских профсоюзов в важности его работ.

«Мне непонятно, что заставляет Вас, русского человека, принимать участие в делах этого еврея?» - спросил этот руководитель.

Академик Кедров, директор института истории науки и техники, предложил Альтшуллеру выступить на заседании ученого совета этого института о теории изобретательства. В вестибюле Альтшуллер прочел, что будут два вопроса. Первый – его доклад, второй - о советском приоритете трудов Бруно Понтекорво. Последний работал физиком–экспериментатором в Италии, Канаде, Англии, откуда тайно бежал в Советский Союз в 1950 г. Здесь он продолжил работы по физике и внес вклад в советский ядерный потенциал.

Прочитав о советском приоритете Альтшуллер вспомнил о периоде «борьбы» за приоритет советской науки, о лагерях и тысячах «безродных космополитов». Он тут же хотел уйти. С большим трудом он заставил себя выступить. Ему задали вопрос: Какую роль он отводит себе в создании теории изобретательства?

«Такую же как у Дарвина в биологии или как у Маркса в политэкономии. Роль основоположника.» - ответил Альтшуллер. «Может быть вы знаете кого-то с приоритетом в этой теории?»

Больше вопросов не было и Альтшуллер вышел из зала. Он не остался на второе выступление. Прошло столько лет с того времени, а они по-прежнему занимаются поисками «приоритетов».

В 1964 г. Альтшуллер и Шапиро начали писать книгу о том, как проводились их допросы. Друг друга они ни разу не видели, так как сидели в одиночных камерах и допрашивали их отдельно. Следователи говорили каждому из них, что другой уже сознался. Но, каждый вел психологическую борьбу и не поддавался на ложь. Книгу предполагалось сделать в виде допросов каждого из них. Книгу одобрили, с ними заключили договор и выплатили 40% гонорара. Они собирались закончить ее в 1965 г. Вдруг их вызвали в Москву и директриса издательства сообщила, что ее муж, генерал, был где-то на совещании у высшего руководства и там решили прекратить печатать книги на «антисталинскую» тему. Но 40% гонорара уже получено.

Договорились, что Шапиро напишет книгу “Закон есть закон” и изменили договор. Мы жалели, потому что их совместная книга должна была быть очень интересной.

На празднование какого-то Нового года мы собрались у Альтшуллера. Так получилось, что нас было четверо: Альтшуллер с Журавлевой и я с супругой. Где-то после двенадцати я попросил Альтшуллера рассказать что-нибудь. Рассказчик он был превосходный и мы с уловольствием слушали его.

“Я расскажу вам книгу, которая сидит во мне” -начал он, “и которую я никогда не напишу.”

Рассказ длился до утра. Он перемежался тостами и закусыванием и был очень интересным. К сожалению я ничего не записал, ведь я не думал, что мне придется писать об Альтшуллере.

Где-то в начале семидесятых годов школа изобретательства была преобразована в Азербайджанский Общественный Институт Изобретательского Творчества, АзОИИТ. Теперь можно было платить преподавателям. Альтшуллер подобрал преподавателей из числа своих учеников. Программы, действующие в школах изобретательства, были расширены. Были введены такие предметы, как патентование и использование физических эффектов.

К этому времени его методика изобретательства, названная им АРИЗ - Алгоритм Решения Изобретательских Задач, прошла хорошую проверку. Тысячи изобретателей успешно применяли АРИЗ, начиная с 1959 года. Сам Альтшуллер проанализировал около двадцати тысяч описаний изобретений. Все это позволило откорректировать АРИЗ и расширить его возможности и Альтшуллер создал ТРИЗ – Теорию Решения Изобретательских Задач. Теперь можно было обучать изобретательству во всей полноте.

На открытие этого общественного института пришло более сотни желающих ребят и много родителей.

“Вы пришли сюда чтобы стать изобретателями” - начал свое выступление Альтшуллер. “Вам хочется делать изобретения, которые прославят ваши имена. Но вас ожидают большие трудности. У вас будут неприятности по службе. Вами будет недовольно начальство. У вас ухудшится характер. От вас уйдет жена. Вы часто не будете иметь нужных денег. Вот какие невзгоды ожидают вас на этом трудном пути. Пока не поздно подумайте, следует ли вам учиться изобретать.”

Примерно таким было его обращение к пришедшим. И ни один из них не ушел. Все с восхищением слушали Альтшуллера. Один за другим выходили его ученики по вчерашней школе изобретательства и восторженно выражали свои чувства к Альтшуллеру, к этому необычному педагогу, преподающему им эту необычную дисциплину. Мы, его друзья, переживали радостное чувство. Это был триумф. Это была плата за его двадцатилетний упорный труд. Академик Мирзаджанзаде, который сам добился всего благодаря упорному труду, сказал, что он преклоняется перед упорством Альтшуллера. Ведь надо было преодолеть гигантскую косность всех

бюрократических организаций, всех самодовольных и заносчивых чинуш, всех препятствующих антисемитов.

Занятия в АзОИИТ сопровождались контрольными, курсовыми и дипломными работами. Всю проверку этих работ проводил сам Альтшуллер. Если еще учитывать писательскую деятельность, чтение и критику выходящих произведений научной фантастики, чтение и написание ответов на бесчисленные письма, то станет понятно какую гигантскую работу вел в те годы Альтшуллер. Теперь он уже физически не мог ездить на все семинары, на которые его приглашали. В таких случаях он посылал своих учеников. Как-то в разговоре затронули вопрос пенсии.

“Как у всех творческих людей, придет время, когда ты уже не сможешь так работать.” - сказал я. “Кто будет платить тебе пенсию?”

Он ответил: “Никто. Потому что, когда я не смогу работать я уже не смогу жить и пенсия тогда мне уже не будет нужна.”

Альтшуллер избегал вести политические разговоры и ничего не писал для “самиздата”, хотя ему присылали некоторые материалы. Так, например, ход суда над поэтом Иосифом Бродским, записанную писательницей Фридой Вигдоровой, я прочел у Альтшуллера. Он считал, что КГБ может вновь начать сажать людей за политическое инакомыслие. И вот факт.

Как-то по окончании семинара в Академгородке Новосибирска его попросили выступить по проблемам литературы. После выступления один из присутствующих дал ему рукопись своей книги для оценки. В поезде Альтшуллер понял, что эта книга подпадает под статью “антисоветская пропаганда”, пошел в туалет и смыл ее через унитаз. Через полгода к ним пришел человек из КГБ. Он рассказал все об этой рукописи и попросил Альтшуллера впредь не выбрасывать такие материалы, а передавать их им.

Альтшуллер категорически отказался: “Как Вы можете просить меня стать доносчиком. Вы же знаете, что из-за доносчиков меня посадили на 25 лет и, в сущности, у меня отняли 5 лет жизни, которые я провел за колючей проволокой. Я ненавижу доносительство и никогда никому не испорчу жизнь.”

После этого от него отстали и больше КГБ к нему не обращалось.

Вскоре начали уезжать евреи из СССР. Было очень трудно получить разрешение на выезд. Одних не выпускали из-за секретной работы, других - из-за нежелания признать, что люди бегут от антисемитизма и от плохой жизни, третьих - просто так, по вредности, чтобы не смогли улучшить свою жизнь. В 1979 году и наша семья собралась переезжать в Израиль. Когда я предложил Альтшуллеру присоединиться к нам, то он ответил: “Я русский писатель в возрасте и, как бы не старался выучить иврит, я никогда не смогу хорошо писать на нем. Кроме того, я почти 30 лет учу изобретательству и имею определенную аудиторию в СССР. Там, в Израиле, надо начинать с нуля. А материальные блага меня не интересуют. Я останусь здесь.”

Мы уехали. Сначала наша переписка была интенсивной. Затем стала ослабевать а через десять лет прекратилась совсем.

«Обчество не даст вам подохнуть!»

Два моих товарища, географы по специальности, составляли какие-то карты в горах Азербайджана. Получилось так, что когда на обратном пути они добрались до ближайшего села было далеко за полночь. Село оказалось молоканским, маленьким и без гостиницы. С большим трудом в темноте под лай собак они нашли сельсовет и разбудили охранника. Тот вызвал председателя, жившего рядом. Географы рассказали ему о своих трудностях и, что кроме ночлега, они ничего не просят. Председатель торжественно произнёс: «Обчество не даст вам подохнуть!». Охранник выдал им матрасы, одеяла и молоканскую капусту (старожилы-бакинцы помнят эту вкусную хрустящую еду). Эта фраза об «обчестве» часто применялась в виде шутки среди наших знакомых. А как-то Альтшуллер рассказал, что пару дней назад ему пришлось сказать её в реальных условиях.

В начале шестидесятых годов Министр Кинематографии Азербайджана пригласил руководство журнала «Экран» в гости. Гостей принимали на высшем уровне так, как могут принимать в Азербайджане. Для них забронировали лучшие номера в самой лучшей гостинице Баку. Их возили в Загульбу, где они могли понежиться на пляже, искупаться и позагорать. Их угощали лучшими сортами азербайджанских вин и коньяков. Шашлыки из баранины, осетрины и белуги приводили гостей в блаженное состояние. А плов с коурмой, люля-кебаб и душпара, настраивали гостей на благодарности, которые отразились в журнальных публикациях. Все были довольны друг другом. У гостей остались самые прекрасные впечатления, как о хозяевах, так и о республике в целом.

Прошло несколько лет. Та дружная группа из журнала «Экран» проводила свой отпуск в творческом доме отдыха на Северном Кавказе. Обратный путь в Москву они решили сделать с небольшим отклонением через Баку. Уж очень приятны были воспоминания о солнечном Азербайджане, о прекрасных людях и о времени, проведенном среди них. Этот зигзаг на юг был сделан экспромптом. Благодушные «экранисты» прибыли в Баку рано утром. До начала рабочего дня они побродили с чемоданами и рюкзаками по городу. Затем начались неожиданности. Оказалось, что министр в отпуске. Замминистра - в командировке. Некоторые знакомые из министерства перешли на другую работу. Оставшиеся знакомые не имели нужной власти и влияния и перекидывали их от одного к другому. Тогда эти нежданные гости поехали искать гостиницы. Ни в одной гостинице не нашлось ни одного свободного места. Обычно в летнее время в Баку проводились разные конференции, симпозиумы и просто приглашались разные нужные люди, какими были «экранисты» несколько лет назад. Поэтому гостиницы, в которых и в зимнее время трудно было поселиться, сейчас оказались переполненными. Пришло время завтракать. Группа зашла в первое попавшееся кафе. Кроме вчерашнего «ромштекса» с кислой вермишелью в кафе ничего не оказалось. Пожевали. Запили это подозрительным кофе и пустились в поиски знакомых. За первую половину дня никого подходящего не нашли. Обед решили сделать из сухих продуктов. В магазинах Баку, как и во многих городах страны, продажа продуктов носила периодический характер. Были периоды «пустых прилавков», а были периоды, когда что-то «выбрасывали». Этой журналистской группе не повезло: был промежуточный период. Они смогли купить только хлеб, баклажанные консервы и тушинский сыр. С

этим они расположились на скамейках приморского бульвара. Пожевали и пошли дальше. Но далеко от бульвара они отойти не могли ибо там, напротив «Азнефти», был единственный на всю округу общественный туалет. До этого они уже побывали в районе «сальянских казарм», но по нужде им пришлось на такси мчаться в обратную сторону к туалету на бульваре. Те немногие знакомые, которых они находили, им сочувствовали, но ничем помочь не могли. Сами жили в стесненных условиях.

В отчаянии наши журналисты вспомнили об Альтшуллере. Как-то он заходил к ним в редакцию, и что-то из его рассказов они публиковали. В справочном бюро с трудом нашли его адрес. Альтшуллер жил тогда на Апшеронской улице, в старом азербайджанском доме. Все квартиры выходили во двор, в котором рядом с воротами находилась общая уборная на одно очко, которой пользовались ещё четыре квартиры, водопроводный кран и помойка. Вход со двора был в стеклянную галерею, часть которой, отделенная занавеской, служила кухней. Из этой галереи был вход в две комнаты. В одной, площадью около 12 квадратных метров, жили Генрих и Валентина Журавлёва, в другой, площадью около 15 квадратных метров, жили сын, теща и тесть.

Измученные неудачей и бакинской жарой наши путешественники (их было не то 5, не то 6 человек) вошли в квартиру. Вид их объяснял всё случившееся без слов и тогда Генрих сразу предложил им расположиться. Валентина Журавлева вместе с тещей начали готовить им ужин, а бедные страдальцы умывшись и оправившись начали понемногу рассказывать о своих мытарствах. Вот тогда Генрих и произнес, ставшую привычной у нас фразу, что «общество не даст им подохнуть!». Вначале гости были удивлены. Но после того, как Генрих рассказал им о происхождении этой гарантии, раздался взрыв смеха. Это был первый настоящий смех этих людей за тот день.

Хозяева постелили гостям на кушетках и на полу, как в комнатах, так и в галерее, используя все наличные постельные принадлежности. Летом в Баку не укрываются одеялами и поэтому их пустили в качестве матрасов. Гости провели у Альтшуллеров несколько дней, пока им удалось достать билеты на Москву, что в бакинских условиях также было делом чрезвычайной трудности.

Кажется, на этот раз благодарность гостей Альтшуллеру превзошла ту первую благодарность Министерству кинематографии. Об «официальной биографии» Альтшуллера

5 ОКТЯБРЯ 2003 ГОДА БЫЛ ОТКРЫТ САЙТ “ОФИЦИАЛЬНОГО ФОНДА Г.С. АЛЬТШУЛЛЕРА” ([HTTP://WWW.ALTSHULLER.RU](http://www.altshuller.ru)). Это очень полезное дело для изобретателей и преподавателей изобретательства. В биографии Альтшуллера на сайте есть неточности. Мне кажется, что их надо исправить.

1. Написано, что Альтшуллер имел образование н/высшее, т.е.неоконченное высшее, и тут же, что он окончил Азербайджанский индустриальный институт. У читателей сразу возникает недоумение: что верно, первое или второе?

На самом деле, КГБ не дало Альтшуллеру закончить институт. Его арестовали, когда он был на четвертом курсе и это сделало его жизнь трудной на десятилетия после освобождения. В начале были нападки со стороны журналистов. Например, корреспондент «Строительной газеты» возмущался тем, что свои статьи в газетах на технические темы он подписывает «инженер Альтшуллер». В дальнейшем, когда он стал проводить семинары и читать лекции, предприятия не могли ему оплачивать

так, как платили человеку с дипломом. Тогда все дорожные расходы и оплату гостиниц он делал за свой счёт, за счёт гонораров от научной фантастики. Затем, когда люди стали делать кандидатские диссертации и обращались к нему как к руководителю, ему не могли ничего платить за это из-за того, что у него не было диплома. Было забавно видеть в списках использованной литературы в диссертациях его фамилию первой (сразу после основоположников марксизма-ленинизма) и возмущало то, что он ни копейки за это не получал. Наконец Саратовский педагогический институт предложил ему получить степень кандидата наук. Правила допускали такую форму защиты: соискатель присылает свои труды в институт; институт направляет их оппонентам; соискатель делает доклад и ученый совет присуждает степень кандидата наук по совокупности оригинальных трудов, без предъявления диссертации. Если институт предложил такую форму, значит вопрос уже был решён. Но при этом нужен был инженерный диплом. Альтшуллер поблагодарил и отказался. Тогда «духовный лидер» Азербайджанского института Нефти и Химии, академик Мирзаджанзаде, взялся восстановить справедливость, а именно: получить от Генриха формальные недостающие курсовые и дипломные проекты и выдать ему диплом инженера, затем по трудам Генриха присудить ему степень кандидата наук. Но, здесь сработала Генрихова гордость: он не любил получать от кого-либо помощь: он поблагодарил и отказался, сославшись на то, что из-за договоров с разными издательствами у него нет времени вычерчивать студенческие проекты. Мы, его друзья, уговаривали согласиться, обещая помочь. Но Генрих был непреклонен. Так и остался он основоположником теории с незаконченным высшим образованием.

2. В той же биографии сказано, что Альтшуллер написал письмо Сталину (вместе с Шапиро) с резкой критикой положения дел с изобретательством в СССР. 28 июля 1950 г. был арестован.

Здесь несколько искажений. Во-первых, письмо Сталину писал один Генрих. Во-вторых, письмо было не о положении дел с изобретательством, которое (положение) к Сталину никакого отношения не имело, а с резкой критикой договора между США и СССР. Это был договор об обмене трофейной немецкой патентной библиотеки, захваченной советскими войсками, на металорежущие станки и типографское оборудование, захваченное американцами. Конечно, Сталин в этом деле тоже не разбирался. Поэтому в своём письме Генрих объяснял, что люди подготовившие этот договор исходили из сиюминутной нехватки станков, несколько не заботясь о будущем. Через 10-20 лет эти немецкие станки, которые уже тогда были не новыми, пойдут на свалку, а патенты как-раз через 10-20 лет дадут жизнь новому модернизированному оборудованию.

По этому письму в 1948 году арестовали одного Генриха. Ему угрожали посадить лет на 8. Но он отмёл все обвинения и его освободили, с тем, чтобы подготовить более тяжёлые обвинения и посадить на 25 лет. На эту подготовку ушло 2 года и вторично его арестовали (вместе с Шапиро) в 1950 г.

3. Дальше написано, что он был реабилитирован в 1954 г., и ему, как реабилитированному, было практически невозможно устроиться на работу.

Во-первых, Генрих всегда подчеркивал, что он был не реабилитирован, т.е. не помилован, а освобождён из-за отсутствия улик, что было записано в документах. Т.е. он был посажен ни за что. Это желательно поместить в биографии. Да и компания по реабилитации заключённых началась только через 2 года.

Во-вторых, именно КГБ ему предложило работу на канатном заводе. Что касается реабилитированных, то им были оказаны большие почести. Их устраивали на работы, равноценные тем, с которых их посадили. Им давали квартиры в новых домах и в первую очередь. Альтшуллеру же ничего не дали, даже не вернули своей квартиры.